

Киев. правда. - 1994. - 22 окт. - с. 4.

Вадим Мулерман:

Меня заочно послали к черту

Его знали все. Узнавали по голосу, когда из транзистора или радиоточки доносились неизменно популярные в конце 60-х «Лада» или «Хромой король».

Он стремительно взомел на небосклоне и столь же стремительно «закатился». Со всем не по причине болезни. Просто в один прекрасный день там, наверху, решили «прикрыть» неугодного кому-то певца. И началась другая, мало кому известная, жизнь одного из эстрадных кумиров — Вадима Мулермана.

Недавно певец приехал из Нью-Йорка в Одессу, чтобы отметить на Родине свое 55-летие. Здесь мы и встретились.

— Вадим, а как вы вообще попали на эстраду?

— Петя начал рано. Музыкальное образование получил в Харькове, там же окончил консерваторию. В армии служил в ансамбле Киевского военного округа. Специалисты сходились на том, что у меня достаточно сильный голос и мне по плечу исполнение оперных партий. Несколько арий, в том числе герцога из «Риголетто», я исполнил. Мне прочили карьеру академического певца, но... Отец сильно болел, пришлось расстаться с мечтами об оперной сцене и думать о хлебе насущном.

Начал выступать с оркестром Анатолия Кролла. Затем меня приметил композитор Юрий Саульский. Стал лауреатом Всесоюзного конкурса артистов эстрады, а затем — пошло-поехало.

— А куда «поехало»-то?

— По-разному, по-всякому. На конкурсе артистов эстрады слишком строгие члены жюри обвинили меня в неуважительном отношении к публике и к ним лично. Смысл «неуважительности» заключался в том, что я вышел из-за рояля, взял микрофон и стал в достаточной степени динамично передвигаться по сцене. Тем самым был нару-

шен издревле сложившийся в нашей эстраде стереотип: исполнитель стоит подле аккомпаниатора и в лучшем случае может лишь взмахивать руками.

А вот Леонид Осипович Утесов сказал: «Он действительно мало что хулиганист, этот молодой человек». И забрал меня в свой оркестр.

— Что же было дальше?

— Работа нелегкая, подчас даже изнурительная: в день по несколько концертов, поездки из города в город, из республики в республику. Десятки, сотни песен прекрасных авторов. Нам, тогда еще совсем молодым, предоставилась возможность выступать на сцене вместе с такими звездами, как Клавдия Шульженко, Марк Бернес, Аркадий Райкин... Это бодрило, заставляло полностью «выкладываться» перед зрителем.

— А кто тогда считался «молодым» на сцене?

— После 60-х появилось очень много талантливых молодежи: Валерий Ободзинский (к слову, тоже одесит), Нина Бродская, не говоря уже о Муслиме Магомаеве, Иосифе Кобзоне, многих других. Должен заметить, что все мы с трепетным чувством, если хотите, с чувством гордости говорили о совместных концертах с «зубрами» жанра. Нынешнее же молодое поколение исполнителей фактически наплеваательно относится к своим предшественникам...

— Насколько известно, вами были недовольны власти на самом высоком уровне?

— Увы, вынужден вас подправить: насколько Известно... О ситуации вокруг меня, о моем существовании абсолютное большинство в бывшем Союзе ничего не знало на протяжении двух десятилетий (!). Меня давным-давно заочно «отправили» в Израиль, в Штаты, к черту, к дьяволу...

— А в действительности?

— Все было предельно про-

сто. После пятилетия плодотворной концертной деятельности, с 66-го по 71-й год, я впал в немилость. Причем, казалось, на не очень высоком уровне. Но...

Председатель Гостелерадио Лапин заявил: «Обойдемся без всяких Мондрусов и Мулерманов...» На этом моя телевизионная «карьер» была закончена, пленки — смыты, записи — размагничены. К слову, такая же участь почти одновременно со мной постигла и Валерия Ободзинского.

Лапин действовал четко, сказался большой политический опыт работы при всех «вождях». О Хрущеве он вовремя создал, вернее, поручил создать телефильм, как о главном герое Великой Отечественной войны. Аналогично работали на ЦТ и над образом Брежнева. Лапин был вхож в самые верхние эшелоны власти, даже хвастался установленной у него телефонной спецсвязью с самим «Генеральным».

Я продолжал жить в Москве, мой телефон звонил все реже, а затем и вовсе, можно сказать, заглох. Я имею в виду деловые звонки с предложениями о выступлениях, концертах.

Как выяснилось позже, был составлен специальный список запрещенных деятелей искусства. Так вот, в этой черной табели о рангах я достиг высот известных: фамилия моя значилась в первой пятерке, по соседству с Мстиславом Ростроповичем и Галиной Вишневской.

В такой вот «творческой тюрьме» я прожил два десятилетия. Пластинки с песнями в моем исполнении также были запрещены к изданию. Перебывался однократными концертами где-то в глубинке, на периферии.

— Не очень понятно, отчего все-таки вы попали в немилость?

— Во-первых, я всегда имел свою точку зрения на все. И не боялся высказать ее. Во-вторых, знаменитая «пятая графа»...

Лучшие годы жизни, самые плодотворные годы для творчества прошли под домашним «арестом». С приходом «перестроечников» стало дышать полегче, я даже смог организовать театр...

— Вам ведь было присвоено звание «Народный артист РСФСР»?

— Абсолютно точно, в самом начале перестройки. Хотя, честно говоря, это была запоздалая реанимация. Именно реанимация, даже не реабилитация.

— Тогда вы и решились уехать?

— Уехал я в США четыре года назад, оставшись гражданином своей страны (уезжал еще из Союза, гражданином которого был, а сейчас — соответственно — России). Мои последние, прощальные гастроли прошли в 1990 году, именно в Одессе.

— А чем вы «там» занимаетесь?

— Творчеством, правда, не в той мере, в которой хотелось бы. Вот сейчас достиг договоренности о создании в Нью-Йорке детского музыкального театра. Даст Бог, займусь настоящим делом.

— Возвратиться не тает?

— Откровенно говоря, слишком тягостные воспоминания связаны с прежними годами. По крайней мере приезжать на Родину буду гораздо чаще, возможно, ежегодно.

...На Дерибасовской с импровизированной сцены Вадим Мулерман под восторженные аплодисменты исполнял десятки песен. Из Одессы певец отбыл в Харьков, оттуда в Москву. Правда, концертов больше нигде не давал.

Александр ЛЕВИТ.